

ЭТО часто бывает: серьезные произведения прозы вызывают к жизни свои театральные версии, которые в большей или меньшей степени доносят до зрителей достоинства оригинала. Мы пишем об удавшемся, выражаем удовлетворение по этому поводу, одновременно замечая, что инсценировка никогда не обходится без потерь, а все-таки и того-то жалко, и того-то, и ничего с этим не поделаешь. Но вот что бывает гораздо реже: серьезная проза, сделавшись достоянием сцены, сохраняет все свои достоинства и при этом вырывается на новые духовные, эстетические просторы, и вы с благодарностью постигаете давнюю и вечно новую истину — какое же чудо театр...

Спектакль сделан на основе одноименной повести Бориса Васильева, единодушно высоко оцененной читателями и критикой. Я готов к этим оценкам присоединиться. И я должен сразу же сказать добрые слова постановщику Юрию Любимову, режиссеру Борису Глаголину, художнику Давиду Боровскому, актерам — всем, кто принимал участие в создании этого спектакля.

Садясь писать рецензию, я так и этак прикидывал, и вдруг поймал себя на том, что никак не могу сосредоточиться на «профессиональных» мыслях. В памяти в который раз вставали образы, картины спектакля, и рушился размеренный ряд последовательных логических рассуждений, и снова, как тогда, в зале, счастьем, гневом, болью сжимались сердца. И становилось ясно, и начинало казаться ненужным членить критическим скальпелем это гармоничное художественное создание...

Да нет, конечно, обстоятельный критический разбор никогда и ничему не мешал, и он, уверен, еще будет сделан. Я же прошу прощения за некоторую сбивчивость моего изложения по следам первых просмотров — это будут впечатления и зарисовки, отнюдь не претендующие на исчерпывающую полноту. Просто чувство радости от встречи с искусством высокой трагедии переполняет меня, радости и желания не держать ее при себе, поскорее поделиться ею.

...Пятеро девушек-зенитчиц с трехнейками и один старшина против шестнадцати до зубов вооруженных фашистов, пропустить которых нельзя, никак нельзя, и вот самая красивая, самая отчаянная из всех, Женька Комелькова, сбросив сапоги, гимнастерку, юбку, со струной натянута задорным призывом: «Рая, Вера, идите купаться» бросается в реку. Чтоб немцы подумали, что это лесорубы, которые не видят их. Чтоб, не желая поднимать шума, пошли в обход или просто замешкались, и драгоценное время было бы выиграно. Женька плещется в реке и напевает закон-

ним своим голосом. «Расцветали яблони и груши», открытая, у всех на виду, а немцы здесь же, на другом берегу узкой холодной речки, и вот-вот раздастся выстрел, который оборвет песню... Ни кустов, ни речки в сценическом оформлении нет, только длинные доски — ширмы, из-за которых появляется появляющаяся Женька, а секунду спустя на том месте, где была она, возникает молчаливая злобешая фигура фашиста — какое леденящее ощущение близости мученической смерти рождает в вас эти секунды

Юрия Любимова несут в себе духовный, эмоциональный заряд очень большой силы. Характерно, что в сценических построениях этих актеры чувствуют себя так свободно и так раскованно, что оказываются в силах выдать «на-гора» многое важное, что скопилось, наверное, в самых сокровенных тайниках души. Прежде всего это относится к В. Шаповалову, который играет старшину Васкова.

Темноватый, из медвежьего угла попавший на военную службу, накрепко и с готовностью усвоивший

жде чем родится у человека такие вот мысли: «За спиной моей — Россия моя. И я у нее сегодня последний сынок и заступничек». Эти слова ничем не обеспечишь, кроме как собственным душевным запасом. В спектакле они значат то, что они значат. Не меньше.

Тяжело решить, на скольких же тяжело видеть, как гибнут одна за другой девчата, с которыми сроднился, которых считал сестрами, — гибнут, а ты ничем им не можешь помочь. И с каждой ушедшей жизнью все нестерпимее болит совесть, хотя именно она, совесть, и честь солдата велели поступить так, а не иначе. И когда, оставшись один, будущи почти безоружным, Васков берет в плен оставшихся четверых немцев, вы понимаете, что этот подвиг — единственное, что оставалось ему, чтобы иметь право жить и смотреть людям в глаза. И крик Васкова: «Что, взяли?.. Взяти? Да? Пять девчат, пять девочек было, всего пятеро. А не прошло вы, откуда не прошли идохнете здесь, все сдохнете. Лично каждого убью, лично, если начальство помилует. А там пусть судят меня, пусть судят! Пусть!..» Человечески иступленный, саятой этот крик надолго останется в сознании каждого, кто услышал его.

Героини спектакля... Я видел разных актрис, исполняющих эти роли. Одни играют хорошо, другие — много хуже — не хочу сейчас говорить об этом. И сами героини очень разные. Что, казалось бы, общего между Лизой Бричкиной с дальнего лесного кордона, так и не кончившей школы (надо было большую мать выхаживать, отцу помогать), и интеллигентной Соней Гурвич, которая даже здесь, в смертной обороне, не может обойтись без томика Блока. И Ритой Осяниной, юной вдовой пограничника, прямой, бескомпромиссной, решительной Ритой, выросшей в атмосфере суровой предвоенной романтики.

Да, собственно, все пятеро — свой мир, своя судьба, и нелегко, наверное, в обычных мирных буднях было бы им находить подступы друг к другу — слишком многие условия воспитания, быта разделяли их. Кто-то был откровеннее, закаленнее, кто-то робок, не приспособлен к трудностям. Все это не помешало, когда настал час, неделимому и скорбному единению пятерых — единению в гибели за победу над фашизмом, за свободу своей Родины. На маленьком, совсем мизерном пятачке земли они тоже чувствовали себя заступниками России. Они остались ее заступниками до последнего вздоха.

Сколько про это книжек написано, сколько спектаклей поставлено, фильмов! Но слишком многое связано с войной в народной памяти, и не скудеет тема, и не оскудеют, какие бы долгие ни прошли годы. Только нужно, чтобы к ней всегда прикасались руки настоящих художников.

ТЕАТР. ПРЕМЬЕРА

ЧЕСТЬ СОЛДАТА

К. ЩЕРБАКОВ

спектакля! И очищающее душу восхищение гордым, на последнем пределе человеческого героизмом, перед которым и время, но все же отступает смерть.

А до этого та же доска — узкая тропка жизни в гиблом болоте, через которое пробирается Лиза Бричкина, чтобы предупредить своих о немецком десанте. Ломается палка в руках девушки, доска вздыбливается вдруг, по ней уже не пройти, и раздрающий крик Лизы, и ее руки, судорожно и безнадежно тянущиеся вверх.

А еще прежде доски были кузовом грузовика, в котором ехали к месту назначения девушки-зенитчицы, и стенами бани, и забором, на котором они вывешивали на просушку белье к неудовольствию старшины Васкова Федота Егграфовича, ревностного почитателя устава. А потом... потом доски становились словно распятием, где мы в последний раз видели девушек, сраженных фашистскими ножами и пулями. И, наконец, в финале доски эти, ставшие уже как бы частичей погибших, хранящие еще их тепло, кружились под музыку грустного военного вальса, и мимо них проходил, рыдая, старшина Васков; отчаянно дравшийся и не по своей воле оставшийся в живых.

И предсмертные видения девушек, новым ярким светом озаряющие их короткие жизни. И строгие, величественные отпевания в их память...

Я вообще-то нередко настороженно отношусь к изощренной, прихотливой театральной форме. Люблю актера на сцене один на один с собой, и чтоб взгляд, пластика, голос сказали о человеке все. Но в спектакле «А зори здесь тихие...» сценические построения

ее непреложные, простые законы, твердо знающий, что на все существуют уставы и распоряджения, — вот что мы сразу узнаем о Федоте Егграфовиче. В неторопливой, обстоятельности походки, в надежной основательности, в комической жесткости, с какой произносит он прописные истины, во всем снайперски схваченном «старшинском» облике, внешнем и внутреннем, — биография и характер человека, его прошлое и его настоящее, и одного этого было бы уже немало, даже если ничего другого не было бы.

Но приходит испытание, которое не каждому выпадает на долю, он, не каждому. Встать грудью, положить в неравном бою пятерых девочек — девочек, понимаете? — будущих матерей, с которыми само понятие войны, убийства решительно, диаметрально несовместимо? Или отойти, сохранить им жизнь, но тогда диверсанты проскользнут, растворятся в лесу и, быть может, сумеют, обойдя охрану, пробраться к Кировской дороге и Беломорскому каналу? Даа благородных, но непримиримо противоборствующих друг другу порыва сталкиваются в душе старшины. Не высокое с низким, а высокое с высоким — и в столкновении этом артист раскрывает всю глубину, могучую незаурядность натуры по видимости такого обычного старшины.

Васков решает держать оборону, и решение такое естественно для военного поры, но каким же нравственным напряжением дается оно ему, и как заразителен артист, — так заразителен, что какой-то момент ощущается, будто не он, а вы стоите перед страшным дилеммой. Безмерно много нужно пережить в короткие предбоевые часы, пре-

Сов.культура-1971, 23 янв.